

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Швалова

Слова беспомощной девочки

Оксана Швалова

Слова беспомощной девочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57432651

SelfPub; 2020

Аннотация

Беспомощные девочки и мальчики часто говорят очень изменчивые слова. Главная героиня как раз одна из них – она находится на том этапе жизни и в том возрасте, когда происходит самоопределение и выбор дальнейшего жизненного пути. Но под давлением собственных принципов, мнения семьи, общественных норм и законов природы она не может принять какую-то одну позицию. Чтобы понять, на что опираться в этом шатком мире в будущем, понять пресловутые «законы существования», она сначала разбирается в малом – в самой себе.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Декламация № 1

Странно, как время меняет значения слов

неделя – не делать

день

ничего не делать

теперь —

семь дней делать всё

ЭТИМОЛОГИЯ

В ЭТИ СЛОГИ

СЛОЖНЫЕ

ЛОЖНОЕ

ЗНАЧЕНИЕ ВЛОЖИЛА

ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВОШНОЕ

БРОШЕНО

И Я

ТОЖЕ НА

СОФЕ

КАК СОФИСТ

В СОФТЕ

МЯГКАЯ

ТЯВКАЮ

НА ЭТИМОЛОГИЮ

МОИХ СМЫСЛОВ

МНОГИХ

опять
мне четырнадцать
и я говорю —
«лучше бы меня в этом мире не было»
что значит —
лучше меня в этом мире не было
никого
такого, как я
израненного жизни ножами
в ножнах
и вынутыми из ножен
умноженными
на гордость

а теперь —
мне двадцать два
и я говорю —
«лучше бы меня в этом мире не было»
что значит —
если бы меня в этом мире не было
всем было бы лучше
и мне
хоть гореть в огне
хоть страдать от камней
стать на тон темней

от теней

поглощающих каждый из двадцати одного грамма моей души¹

всё равно

всем было бы удобней

без меня

чуть меньше неловкости

глупости

меньше овец пасти

оберегая от волчьей пасти

пастырю

напастей

у брата меньше —

он один в семье

все квартиры его

и от сестры непутёвой

не надо ждать три года обещанного

сестра уже забыла

а ты помнишь в точности, как всё было

и всё ещё обижен

а теперь —

ты один в семье

---

¹ Согласно результатам опытов, проведённых в 1906 г. Дунканом Макдугаллом, душа весит 21 грамм.

хоть уже есть своя семья
а нашей
и нет давно
меня нет – семьи нет
и маме не надо
терпеть папины побои
словесные
не лестные
«честно —
я всегда тебя стеснялся
разгонялся
а ты не давала разбиться
а я так хотел
(говорила – дети
нет, ребёнок)
но он уже взрослый
своя семья
пора разводиться
я так устал биться
с этой жизнью
я так устал»
и мама
не злится, что пьяный
просто меняет планы
«умрёт – и ладно
без комментариев»

у папы авария
а она уходит
живёт счастливо
без нервных срывов
но только совсем одна

я с вами я здесь папа мама
пусть будет всё меньше граммов
весить моя душа
пусть её поглощают
тени мыслей моих
она будет большая
она будет большая
пока вы остаётесь в живых

Запись № 1

Для чего люди в семьях рожают второго ребёнка? «Заводят», как говорят. Её мама как-то, когда она была маленькая, рассказала ей:

– Чтобы твоему старшему брату не было скучно.

Когда она стала старше, ответ тоже повзрослел:

– Чтобы, когда нас с папой не станет, вы были друг у друга.

Ему – семь, тебе – полгода.

Он поёт тебе колыбельные и качает на руках.

Ему – девять, тебе – три.

Он случайно прищемляет дверью твой палец. Ты кричишь

от боли, но мама быстро тебя успокаивает, и ты молча, полными слёз глазами наблюдаешь, как она раскатывает тесто для пирога. Через какое-то время ноготь чернеет и отваливается, но тебе скорее интересно, чем страшно.

Ему – одиннадцать, тебе – пять.

Он не даёт тебе играть в ВАШ Денди. Он даже не даёт смотреть, как кидается ящиками в железных бульдогов с огромными челюстями в «Чип и Дейле»² по очереди с друзьями (потому что джойстик один). Перед твоим носом захлопывается дверь его комнаты. А когда он в школе, все дискеты спрятаны. Ты читаешь книги.

Ему – двенадцать, тебе – шесть.

Ты знаешь наизусть ВСЕ песни ВСЕХ его любимых групп, ведь они круглосуточно орут на всю квартиру из слабеньких колонок его магнитофона, у которого сломана кнопка перемотки. «Тёща моя – злая свинья!»³ – скандируешь ты. Мама в ужасе гремит кастрюлями на кухне. А когда брату не хочется слушать какую-то песню, он отдаёт тебе кассету и вооружает карандашом, и ты счастливо перекручиваешь плёнку с одной катушки на другую.

Ему – двенадцать, тебе – шесть целых восемь двенадцатых.

Новый год. Ты выучила новое слово «миллениум», хоть

---

² Chip and Dale Rescue Rangers – видеоигра по мотивам мультсериала «Чип и Дейл спешат на помощь», выпущенная Capcom для консоли NES в 1990 году.

³ Сектор Газа – «Тёща».

и не совсем понимаешь, что это. По телевизору, как обычно, президент произносит воодушевляющую речь, а в конце, после курантов, – Кремль, снегопад и самый красивый фейерверк, который ты когда-либо видела. Пусть и по телевизору. В это же время из окна квартиры вдалеке виден местный, поселковый фейерверк. Твой брат с ухмылкой кричит тебе:

– Смотри, московский салют даже из нашего окна видно!

Ты с открытым ртом смотришь то на экран телевизора, то на улицу, и не чувствуешь подвоха.

Ему – четырнадцать, тебе – восемь.

Он находит твой дневник на замочке, в котором ты писала о мальчишке из параллельного класса. Находит и ключ от замочка. Он оставляет тебе сообщение прямо там. «Как можно быть такой глупой, сестрёнка, он совсем на тебя не смотрит, ему просто нужно было, чтобы ты сделала за него примеры по математике. И вообще, сходи-ка сделай мне бутерброд, Дикий ангел⁴». Он несколько лет дразнил тебя «диким ангелом», потому что это был твой любимый сериал. Ты бросаешь вести дневник.

Ему – шестнадцать, тебе – десять.

Вы шумно дерётесь из-за того, чья очередь идти в магазин за покупками. В итоге вы оба в знак протеста укладываетесь на пол. Мама, ни слова не сказав, берёт пакет и уходит сама. А на следующий день брат уезжает в университет в Томск.

---

⁴ «Дикий ангел» – аргентинский сериал, транслировавшийся в России в 1999 году.

Ему – семнадцать, тебе – одиннадцать.

Теперь ты почти круглый год единственный ребёнок в семье, брат приезжает разве что на праздники. Ты занимаешь комнату брата: она больше, в ней компьютер и удобный диван, а не скрипящая от малейшего движения кровать, которую покупали ещё брату, когда ему – три. Только ешь ты теперь в основном то, что приносит мама с работы (она нянечка в твоём детском саду), потому что за учёбу брата нужно много платить, а работы в посёлке нет. Зато, когда брат приезжает, он привозит тебе много новой интересной музыки. В том числе собственного сочинения.

Ему – восемнадцать, тебе – двенадцать.

Папа продаёт машину, чтобы заплатить за учёбу брата, и в твоей жизни теперь появляется новый ритуал: каждую пятницу встречать отца на автобусной станции в 20:30 (он в будни живёт и работает в городе, в двух часах езды от посёлка). *Хотя нет, не каждую пятницу.* Но в какую-то пятницу он приезжает вместе с твоим братом, и тебе приходится переехать обратно в свою комнату. Брат с тобой почти не разговаривает. Он ни с кем почти не разговаривает. А буквально через месяц летом вы идёте на рынок, где местная гопота отбирает у твоего брата деньги. И ты, и он молча идёте домой. А осенью брат уезжает вместе с папой в город, в университет.

Ему – двадцать, тебе – четырнадцать.

Несколько лет вы с мамой живёте одной семьёй, папа с братом – другой. Не только по будням, но иногда и на вы-

ходных. На вопрос от папы, сколько оставить денег на неделю, мама отвечает «ничего не надо». И вы существуете на ее зарплату нянечки. Тебя дразнят в школе за то, как ты одеваешься, а брат приезжает то с новыми часами, то в классной кожаной куртке. Через время папа все же решается на полноценный переезд семьи, и ты идёшь в новую школу. Ты узнаешь, что такое городская жизнь, а ещё что такое клопы в съёмных квартирах. И снова живёшь с братом в одной комнате, как будто ему снова – десять, тебе – четыре.

Ему – двадцать один, тебе – пятнадцать.

Ты не забыла про День матери и купила цветы, сказав, что это от вас с братом. Через неделю брат моет полы за тебя, но жалуется маме, что вместо уборки ты гуляла с подругами. Мама тебя ругает, и ты уходишь из дома. Недалеко, на качели во двор. На полчаса.

Ему – двадцать два, тебе – шестнадцать.

Он, наконец, окончил университет и работает то охранником в магазине, то диспетчером в службе доставки еды. Папа взял квартиру в ипотеку, но теперь вы живёте не вдвоём, а вчетвером в одной комнате – зато в новом доме, постройкой которого руководил папа, когда каким-то образом стал работать не геологом, а начальником отдела капитального строительства. Квартира записана на тебя. Ты спишь на полу, лицом к кирпичной стене. А по вечерам ты с братом едешь в центр города на репетиционную базу, в подвал какого-то полуразвалившегося завода: он играет на ударных,

ты на синтезаторе, у вас своя музыкальная группа. Вернее, у него музыкальная группа, а ты в ней, потому что это ему удобно. Ты не чувствуешь себя способной писать музыку, но брат заставляет тебя просиживать за компьютером в специальной программе по несколько часов.

Ему – двадцать три, тебе – семнадцать.

Ты, видимо, так и не научилась ничего прятать, потому что брат требует у тебя написать текст на твою музыку вместо его девушки-вокалистки, мол, стихи же у тебя неплохие. Ты не пишешь, потому что она втайне от брата сказала, что писать будет сама. Когда терпение брата лопается, он кричит, что на тебя нельзя положиться, что ты слишком пассивна, что это невозможно терпеть, и выгоняет тебя из группы, вокалистка его поддерживает. У тебя случается первая и последняя в жизни истерика с криками и заливающимися лицо слезами – больше ты не принимаешь ничего так близко к сердцу. *Да и музыка у меня выходила не первого сорта.* Хлопает дверь – брат уходит к девушке. Мама и папа на работе. На балконе весна и можно наблюдать за монотонным движением прохожих.

Ему – двадцать четыре, тебе – восемнадцать.

Вы почти не разговариваете. Он приводит новую девушку, на год младше тебя, в вашу однокомнатную. Жить. А ты оканчиваешь школу и уезжаешь в Томск на учёбу.

Ему – неизвестно сколько, тебе – неизвестно сколько минус шесть с половиной.

Ты находишь папин паспорт и узнаёшь, что у него есть ещё сын, Дмитрий. На одиннадцать лет старше тебя. Ты спрашиваешь у брата, знает ли он что-нибудь про этого Дмитрия, брат отмахивается. Видимо, и ему это неинтересно, и тебя он призывает в этом не копать.

Ему – неизвестно сколько (но больше), тебе – неизвестно сколько (но больше) минус шесть с половиной.

Ты узнаёшь, что ты, оказывается, и у мамы не второй ребёнок. Ты находишь мамину медицинскую карту, где написано: «беременностей – 5, родов – 3». Мама рассказывает тебе про старшую сестру, которая родилась раньше тебя на восемь лет. Её звали Алёнушка, и она умерла, когда ей не было и трёх.

В твоём маленьком мозгу медленно, но верно рождается мысль: *если бы она была жива, меня не нужно было бы «заводить». У родителей были бы уже взрослые дети и им, почти пенсионерам, не пришлось бы работать на то, чтобы растить и меня.* И эта мысль оказывается очень назойливой.

Но теперь ей надо в универ.

Меняя город, ты меняешь себя – так Я. думала. Её страхи – оставить за гаражами в тёмном безлюдном переулке, её нелюдимость – бросить в раскалённую толпу, её застенчивость – измазать помадной краской. Когда Я. сказала себе, что в новое место нужно брать только самое лучшее, она не знала, что это слова наивной беспомощной девочки. Я. ку-

пила новый чемодан и нагрузила его книгами, досадно забыв про зубную щётку и тёплые перчатки. Я. решила, что поступать ей можно только в Томск и только на филологический, на что родители молча за её спиной пожимали плечами. Она верила, что её выбор однозначен и правилен, и не оставила себе возможностей для отступления. Предусмотрительно оставив желудок пустым в тот день, она взяла билет на рейс 600Э до Томска, с папиной помощью загрузила тяжёлые сумки в багажный отсек, еле-еле со злостью на маму утрамбовала в ногах пакеты с «самыми мягкими в магазине» подушкой и одеялом и уверенно замахала в окошко всем провожающим, вдыхая душный запах одеколona мужчины слева.

Её имя – Я.

Декламация № 2

Во всём виноват город

в нём

полмиллиона людей

чужих

какой-то плюёт на асфальт

мужик

шалав у машины его

кружит

дюжина

одна из них

(любая)

рушить решила семью
суженых
тут же
обезоружила
жену неуклюжую
муж
объелся её груш
набрал надюш
раскрыл настезь
двери для насть
готов настил
ничего не упустил
кажется
туш победителю
туш

дружба
услужлива:
лужайки – нужным
обыкновенным узам – лужи
во всеоружии
пáлят в чужие рожи
вырываясь наверх
и наружу
мне – хуже
обслужат

(кушай)

сегодня на ужин

ужас:

они и такими лучше меня

и последний маньяк

потушивший души маяк

и слепой слизняк

выползающий на сквозняк

в стужу

городов не меняя

меняешься так и сяк

но всё наперекосяк

всяко

получено много знаков

о том

что нужно в Томск

в блокноте пустом

писать по-другому

стать незнакомой

самой себе

а потом

воздух глотая ртом

стать одной из них —

чужих для себя самих.

Запись № 2

Я всегда знала, что будет учиться в Томске. Её семья связана с этим городом.

Папа поехал учиться в Томский политехнический из провинциального городишка (такого, какой в старых книжках называется город N.) со школьными друзьями. Всю ночь перед вступительными они «знакомились с городом», поэтому утром, не протрезвев, он недобрал до поступления два балла. Но остался там, работал, а на следующий год уже знал город (и себя) достаточно для того, чтобы поступать без гудящей головы. С самого детства Я. знала от папы, что только в Томске можно прожить лучшие годы своей жизни. Хоть истории о студенчестве с её годами становились всё страшнее (для неё) и веселее (для него). Ведь когда твоей дочери семь лет, ты рассказываешь про страшный экзамен по камням, который боялась сдавать вся группа. Хотя, казалось бы, экзамен очень прост: нужно всего лишь вытянуть из коробки не глядя камень и рассказать про него всё, что сможешь. Но если завалишь – геологом не будешь никогда. Да, тогда отсеялось чуть ли не десять человек. А сведения о метаморфических породах, диабазе, алевролите всплывают в голове и по сей день, особенно когда не нужно. Другое дело, когда твоей дочери восемнадцать и сегодня она нашла себя в списках зачисленных в Томский государственный. Тогда ты рассказываешь, всё же чуть запинаясь, о том, как однажды, разгрузив с друзьями со старшего курса вагоны, вы вскладчину

купили «ведро» портвейна и прогуляли в общеаге всю ночь. А утром ты вышел покурить на площадку, где незамедлительно был пойман не выспавшимся раздражённым старостой этажа. После наскоро проведённого собрания было решено выгнать тебя из общежития для устрашения остальных. Напившись на отложенные со стипендии деньги, ты вечером того же дня врываешься на этаж и громишь что ни попадя. И попадаешь на трое суток в КПЗ. А оставшееся время учёбы снимаешь комнату у какой-то сумасшедшей старушки, которая, специально установив для тебя отдельный холодильник, перекладывала туда свои творог и морковку, а потом устраивала скандалы (хорошо хоть из института не попёрли).

Мама тоже училась в Томске. Более того, она и родилась в Томской области. Можно даже сказать, что она наполовину – коренной житель этих болот: её папа (дедушка Я.) по национальности селькуп. Поэтому и маме Я., и ей достались узкие чёрные глаза в наследство (но не азиатские, это очень важно: глаза у монголоидов ещё меньше и с нависающим верхним веком, а внутренние уголки глаз опущены – у Я. с мамой глаза просто маленькие). Хоть мама и повторяла ей, когда та крутилась у зеркала в подростковом возрасте, что глаза вполне красивые и стесняться нечего, она всё равно стеснялась. Мама училась на швею в тот же период времени, что и отец на геолога (но на три года меньше). А встретились они гораздо позже и не в Томске. И у мамы сумасшедших историй не было. Только про то, как под окнами училища её

ждали с букетами парни, причём по обговорённой заранее очереди. Она всех отвергала и наслаждалась жизнью.

Брат тоже говорил о Томске только хорошее, хоть и прожил в этом городе меньше года. В шестнадцать лет он почувствовал себя свободным от надзора родителей, от поселковых пацанов, которые дразнили и били его, потому что он не курил по подворотням, как они, а предпочитал бренчать дома на отцовской гитаре. Может, он почувствовал себя слишком свободным, и, уехав учиться, не уделял должного внимания своей успеваемости. Но он никогда не сомневался, что то время пошло ему на пользу.

Я же в пути утратила уверенность в правильности своего выбора. Особенно этому поспособствовал запах туалетной воды соседа, всё сильнее и сильнее вызывая у неё рвотные рефлексы. Проблемы с удержанием содержимого желудка в себе во время путешествий начались в раннем детстве. Пик проблемы – в возрасте пяти лет. Восьмичасовая тряска в автобусе по просёлочной дороге от Томска до провинциального городишка, оттуда на кукурузнике⁵ два часа до бабушки. Ей хоть и было мучительно, но детскую пытливость никуда не деть: и в тот год Я. узнала от мамы, что такое «вестибулярный аппарат» и почему можно продолжать блевать, даже если желудок у тебя уже давно совершенно пуст. С того времени и родилась привычка не есть перед автобусом. Лучше

---

⁵ Кукурузник – разговорное название советских самолётов сельскохозяйственной авиации, бипланов типа Ан-2.

быть голодной, чем опозориться и украсить своим завтраком весь салон. Даже если тебя давно уже совсем не тошнит в пути.

Но от этого запаха тошнило бы и без автобусной тряски – до приторности сладкого, будто на соседнем сидении пару лет назад сдохла кошка или произошла утечка ядовитого газа. Я., чтобы эти пять часов рядом с ним прошли быстрее, думала: *может, когда-то у него была черепно-мозговая и он потерял обоняние. И теперь выливает каждое утро на себя полфлакончика духов, чтоб уж наверняка. Или этот запах – лидер топ-5 ароматов в каком-нибудь глянцевом журнале, от которых женщины сходят с ума.* С чем Я. сейчас точно не могла поспорить. Во время получасовой стоянки она выскочила на воздух. Ненависть к миру поутихла и размышления стали менее агрессивными. *Может, этот запах неприятен только мне. Индивидуальная непереносимость каких-нибудь бобов тонка или австралийского лайма. Или это духи с какими-то неправильными феромонами. А может, это какой-то элитно дорогой брендовый аромат и таким образом он акцентирует своё финансовое благосостояние. Хотя лучше было бы сэкономить на духах и накопить на автомобиль, а не раздражать людей в автобусах. А может, раздражают не духи, а мужик. Интересно, сколько стоит более-менее приличный автомобиль в одеколоновом эквиваленте? Пусть будет Hyundai Solaris, папа говорил, что хочет такую, стоит примерно 550 000 рублей. Фла-*

кончик духов (в голове всплыла реклама *Aqua Fahrenheit* от *Christian Dior* – аромат для мужчин, склонных к риску, а это явно про нашего друга) стоит примерно 1500 рублей. Получается, *Hyundai* стоит 366, 6 флакончиков *Dior*. А это примерно $75 * 366,6 = 27\ 495$ мл. 27 с половиной литров духов. Меня сейчас стоинит.

Я. всегда любила сидеть одна. А самое обидное – через проход было свободное сидение. Можно было пересесть. Но Я. не смогла.

И из-за какого-то мелочной ситуации с этим дурацким запахом Я. приехала в Томск жутко растерянной и злой. С огромными сумками, на вокзале, в один из последних жарких дней лета... Она была твёрдо настроена на жизнь в общаге. Нужно побороть себя, свои страхи, свою замкнутость... какой ты студент, если не жил вчетвером на двенадцать квадратных метрах с общим душем в подвале? Вызвать такси или спрашивать в маршрутке, а едет ли она до площади Южной, показалось почему-то более сложным, чем пешком с сумками пройти полтора километра.

Постояв, переминаясь с ноги на ногу у входа в общежитие (именно для того, чтобы отдохнуть, никак иначе, проговаривая в голове раз за разом «здравствуйте, я на заселение»), Я. тряхнула свежестриженными волосами и с трудом протиснулась в двери.

– Здравствуйте, я на заселение.

– Тебе в конец коридора.

Конец коридора.

– Здравствуйте, я на заселение.

Она заполнила договор, получила временный пропуск. Как всегда, всё оказалось не так уж страшно, как она думала. *Однако – когда-нибудь обязательно всё пойдёт не так. Так что страх беспочвенным назвать нельзя.*

– Тебе на шестой этаж, комната 263.

Шестой этаж. Три сумки. И боязнь лифтов. *Я, конечно, молодая и сильная, но руки уже отваливаются.*

На лестнице Я. встретила трёх парней. Но сделала вид, что не заметила их. Они поступили точно так же. Обычное дело.

Комната 263. Две девочки.

– Привет, я Оля. Третий курс.

– Я Кристина, второй! Ещё будет Настя.

– Привет... – Я. изо всех сил постаралась улыбнуться.

– Тут картошка, мы сейчас уберём.

Для Я. всё, что происходило в общежитии, напоминало сумасшедший дом. Девочки, к счастью, обе ночи до первого сентября уходили в какие-то другие комнаты, и Я. с ними не разговаривала. Но зато Я. была в курсе всего происходящего в секции и на кухне, голос по ночам никто не понижал. А картошку они так и не убрали.

Тридцать первого августа Я. получила сообщение в социальной сети от подруги детства, Юли, из посёлка. Она была в списке друзей Я., но они никогда не переписывались.

«Салют! Увидела у тебя в графе «образование» Томский

государственный – я тоже туда поступила, на эконом! Последний день перед учёбой – не хочешь встретиться? Я, честно говоря, ищу себе соседку. Я сняла квартиру, но одна не потяну. Ты где живёшь, в общежитии? Давай встретимся, я тебе всё расскажу».

Я не стала договариваться о встрече – просто спросила, когда и куда нужно перевозить вещи.

Самое главное место в доме, по рассуждениям Я., – ванная комната. Современный человек должен иметь доступ к воде и унитазу в любую секунду, иначе о каком техническом прогрессе может идти речь. Соответственно, и ванная, и туалет не только должны быть, но и должны быть чистыми. Почему? Потому что сложно ощущать себя чистым в грязной ванной. При переезде с родителями в новую квартиру ремонт был сделан в первую очередь там, хотя мама мечтала о многофункциональной кухне. И вышел уголок уединения, долгое время единственное место в доме с полностью законченной отделкой. Кухню мама получила через четыре года, и сразу после этого там стали жить брат и его новая пассия. *Кухня действительно многофункциональная.*

В общежитии один туалет на секцию. В нём три кабинки, двери заканчиваются на уровне груди. Унитазы в лучших традициях общественных туалетов. То есть их нет – есть дырки в полу. Душ в подвале. И там нет дверей вообще. *Моё тело уже не мой храм.* Но это не самое страшное. Самое страшное – по вторникам душ не работает. *То есть я ка-*

ким-то образом должна эволюционировать до самоочищения? Или мыться в кубовой, где четыре раковины, и в любой момент могут зайти, в том числе мальчики.

Нет. Наличие личного пространства, времени, которое ты проводишь наедине с собой, жизненно необходимо, чтобы не сойти с ума. Пускай в комнате четыре девушки (а значит, там не только девушки, но и неисчислимое количество вещей), пускай вы всегда будете капать друг другу на мозги по поводу очереди на уборку и оставленных посреди комнаты туфлей или трусов, но должно же быть место, в котором можно хоть на несколько минут от этого спрятаться? Я. поставила себе неутешительный диагноз: до суицидальных попыток в таком окружении ей удалось бы прожить два месяца. В лучшем случае – три, если девочки будут часто уходить ночевать к парням, а очереди в кубовую из желающих успеть к первой паре будут не очень длинные. А это Я. ещё забыла про тараканов и клопов.

И да, Я. любила драматизировать.

Мама знала, что так и будет. Первое, что она сказала, когда Я. самонадеянно выразила желание жить в общежитии и не тратить деньги родителей на съёмные жилища, – «если кто-нибудь из одноклассниц будет искать соседку – не стесняйся, иди жить с ней». Брат учился платно, да ещё и снимал квартиру, не работая, – у него совесть не болела. Я. же хотела максимально выказать своё недовольство по поводу сидения на шее у мамы и папы в течение следующих пяти лет.

ТОЧНО пяти – потому что менять университеты, как брат, она никогда и ни за что не станет. А ещё потому, что мама взяла с неё слово даже не пытаться искать работу во время учёбы. Так что она поступила на бюджет и паковала тапочки для общажного душа («ни в коем случае не ходи там босиком, мало ли какой грибок подцепишь»).

И вот теперь, при первой же возможности, Я. убежала за комфортом. *Хотя нет, убежала за жизнью, элементарными человеческими потребностями! Это не какие-то буржуйские замашки, откуда они у меня. Можно просто считать, что я учусь платно, по деньгам выходит примерно одинаково. К тому же, папа оформляет бумаги в налоговую на компенсацию по ипотеке. Просто получится, что этих денег как будто и не было. Зато у меня будет ванная в любое удобное мне время.* В тот же день Я. перевезла вещи к Юле. С мыслью о том, что в общаге на самом деле всё не так плохо. Люди же живут.

Драматизировать было уже незачем.

Сложно начинать общение с незнакомыми людьми. Сомневаешься: нравишься ли ты им, хочется ли им вообще после рассказа весёлой истории слушать твоё сбивчивое «а у меня примерно так же было два ... нет, три ... погоди, это было в десятом классе, значит, мне было ... гхм... семнадцать... или...». Я. всегда предпочитала слушать. Очень удобно – людям нравятся, что они вызывают такой интерес у собеседника (особенно если не забываешь регулярно ки-

вать головой, а в ключевые моменты удивлённо расширять глаза), и тебе не нужно открывать рот. Поэтому, наверное, в школе с ней почти никто не общался, но если нужно было поделиться по секрету, всегда звали её. И ей не было обидно. Не бывает обидно, когда наблюдаешь, как твою одноклассницу хвалит учительница за то, что она опрятно и скромно одевается (*«вы же, девушка, расхаживаете с фиолетовыми волосами и в огромных страшных ботинках, как не стыдно»*), а ты еле сдерживаешь смех, ведь эта «скромница» пару месяцев назад в красках рассказывала тебе, как лишалась девственности с тридцатилетним мужиком.

Общение же с людьми после многолетнего перерыва становится ещё более сложным. Предполагается, что вы друг друга знаете, и неловкости быть не должно. Но:

Подводит память. Я. почти не помнила Юлю, хотя когда-то называла её лучшей подругой. Да, они сидели за одной партой – первой, из-за плохого зрения обеих – три года. Да, они вместе впервые встречались с мальчиками из соседнего посёлка (они тоже были друзья, всем было по тринадцать, максимум, до чего доходило дело – прогулки за ручку). Да, у неё дома было караоке, редкость в те времена. И почему-то стойко отложилось в памяти, с какой интонацией Юля говорила «что?», когда переспрашивала: немного повышая голос в конце, как будто с претензией. На этом воспоминания оканчиваются. Кстати, как оказалось, интонация не изменилась.

Подводят привычки Я. Слушать в ситуации «знакомства заново» довольно сложно. Да, если первой радостно (значит, чуть громче обычного и с приподнятыми бровями) спросить «как жила-то всё это время?», можно отсрочить акт своего говорения минут на десять (зависит от насыщенности жизни собеседника), но потом-то тебе придётся рассказывать о себе. А это – одно из самых неприятных занятий по мнению Я. Когда разговор требует оглянуться на свою жизнь, попытаться сформулировать себя максимально компактно и завернуть в фантик, сразу осознаёшь, что конфета из тебя никакая. Я. закончила школу с двумя четвёрками? – ну не на медаль же. Я. сдала все ЕГЭ не меньше, чем на девяносто баллов, а русский язык так вообще на сотню? – просто повезло / это ты хвастаешься / это ты пытаешься казаться умной. Я. закончила музыкальную школу и даже выступала в группе? – да, прямо гениальный музыкант, где ж твои три платиновых альбома. Я. пишу стихи и даже победила в областном конкурсе? – а кто не пишет. *Выходит, мне совсем нечего про себя рассказать, что было бы интересно другим.* Но молчать нельзя, это же твоя подруга, хоть и бывшая, тебе ещё с ней жить. Итог: неуверенное в себе чмо по шкале неловкости, где низший результат – «вы восхитительны», высший – «неуверенное в себе чмо». Я. всегда была настроена на получение самых высоких оценок.

К счастью, Юлия очень любит рассказывать о себе и вообще разговаривать. Всё, что нужно было делать Я., – опе-

ративно придумывать вопросы на основе её историй, чтобы не переключать внимание на себя. В случае ступора спрашивать, куда можно поставить или положить ту или иную вещь. Но до вечера способы избегания разговора исчерпываются. А Интернет (можно предложить посмотреть фильм) придут подключать только завтра.

Юля тактично предложила сходить в газетный ларёк за картами. И вечером учила Я. играть в «Сто одно». Они писали на бумажке результаты в две графы: «Ю» и «Я». В конце первой игры Я. начиркала что-то на листе с результатами, а Юля безошибочно определила, что это батон. С тех пор проигравший всегда должен был рисовать батон – это стало их маленькой традицией.

Не зря вторым высшим Юля выберет психфак.

В ночь перед первым сентября и грандиозным знакомством с людьми, которых в ближайшие пять лет ей предстояло видеть регулярно, она думала о том, как ей хочется домой. Насколько было бы легче, если бы она осталась. Она поступила очень эгоистично – не захотела жить впятером в однокомнатной. Но это же не единственная причина. Зачем-то же она скрыла от родителей, что подавала документы и в местный вуз на переводчика. Оттуда неоднократно звонили и звали нести оригиналы, говорили, что зачислят как целевика, – видимо, им чем-то выгодно, чтобы у них учились стобалльники. Но она хотела пожить отдельно. Жизнь в другом городе за счёт родителей вряд ли можно назвать само-

стоятельной, это она понимала. Но действительно хотелось самостоятельности. Новый город – новая жизнь. Новая Я.

Декламация № 3

Молчание

мне докучает

поэтому

буду кричать

до кучи

внутренний голос

отлично обучен

кричать

чтобы стало лучше

глушить изнуряющие уколы

крепчать

когда требует случай

...молчать

и осипшим внутренним голосом

ещё

уколов канючить.

Запись № 3

На следующий же день она убедилась, что это не так. Всё

в принципе шло своим чередом. Не так, как хотелось, но так, как должно было быть. Первокурсники собирались в фойе у концертного зала, и в такой толпе сложно было даже дышать, не то, чтобы разговаривать. Я не смогла найти никого из своей группы. Или из филологов. Или из тех трёх девушек, с которыми она познакомилась в общежитии – их-то она хотя бы в лицо знала.

Хотя с чего бы им быть на мероприятиях для первокурсников.

Юля ушла к экономистам. Я почувствовала себя брошенной. Она понимала, что Юля её не бросала, по большому счёту, она вообще не обязана была оберегать Я. от других в течение всего действия. Юля и так слишком много для неё сделала – они доехали до университета вместе, Юля даже, притворившись филологом, перезнакомилась со многими, правда, так и не наткнувшись на «себе подобных». Но Я. не унижалась.

Ей – семь.

Первый класс. Почти все друзья из садика оказались в её классе, в 1 «А». Да, в посёлке всего одна школа, но в параллели было ещё три буквы, по двадцать человек в каждой. Глеб, Ваня, Стас и Леся. Их компания.

Кстати, странно, что в глубоком детстве у неё были друзья-мальчишки. *Вернее, не так.* Странно, что друзей-мальчиков было больше. Наверное, когда тебе так мало лет, ты не задумываешься о том, что ты – это ОНА, а он – это ОН. Хотя

на выпускном в детском саду, когда в актовом зале за столами сидели уже родители и уже с алкоголем, а не с соком, дети на площадке рядом играли в «поцелуи». То есть если ты догнал жертву, ты можешь её поцеловать. Ваня, например, чаще догонял Лесю. А Глеб носился за Я. И тогда никто ничего не стеснялся, наверное. Никто не боялся сделать что-то не так. В этом возрасте ты не думаешь о том, что могло бы понравиться другим. Ты думаешь о том, что могло бы понравиться тебе, и делаешь это.

Так вот. Ей – семь.

И первые полгода учёбы она почти каждый день слышала голос Глеба или Стаса под балконом. «Выходи гулять!!!» Потом через день. Потом реже. Но вот середина четвёртой четверти. Весна. Один из первых действительно тёплых дней. Она решает выйти погулять одна. На «Дракошу» – площадку, где два больших зелёных дракона держат в зубах качели, в трёх минутах ходьбы от её дома. И она видит там Глеба, Ваню, Стаса и Лесю – мальчики дрались за право раскачивать Лесю. Конечно же, Я. убежала. И так, чтобы они не заметили. Потом в школе она подошла к Лесе и спросила, почему они теперь не зовут её с собой (в этой ситуации подойти к девочке оказалось легче). Та ответила, что Я. сама виновата.

– Помнишь, мы звали тебя гулять перед Новым годом? Ты сказала, что тебе надо делать домашку по математике. Потом ты не пришла на день рождения к Ване, потому что не успела прочитать книгу по внеклассному чтению. То ты

природоведение делаешь, то ещё что-то. Ты – ботаник.

Последнюю фразу она сказала спокойно и оттого очень обидно. И потом говорила её всё время до конца начальной школы, в коридоре на перемене, пока учительница не видит. Правда, с другой, издевательской, интонацией. А уже на такое откровенное желание кольнуть Я. не реагировала.

Ей – десять.

Уже три года она общается с Настей, одноклассницей, которая ещё и живёт с ней в одном доме. С понедельника по пятницу они ходят вместе в школу, по выходным гуляют во дворе. Уроки делают тоже вместе, по очереди гостя друг у друга. Семья Насти гораздо богаче, поэтому у неё дома Я видит один из первых DVD-проигрывателей, узнаёт, как есть палочками, удивляется, что плёнку в фотоаппарате можно не экономить и запечатлевать всё подряд. Главное развлечение в доме у Я. – фортепиано. Я пошла в музыкальную школу с первого класса. Настя со второго – в танцевальную (как и почти все остальные девочки в классе Я.), но это в одном здании; они встречались там, если время занятий совпадало. Я учила подругу играть «Собачий вальс», Настя же использовала фортепиано как хореографический станок (с закрытой крышкой, конечно), закидывая на неё ноги. Ещё она показывала Я. основные позиции в балете. Самой интересной всегда была первая – кто дольше сможет сохранять равновесие. Поначалу они были на равных, потом Настя стала побеждать.

Когда Настя уезжала к бабушке в соседнюю деревню, они подолгу висели на телефоне, тогда ещё домашнем. У Насти был беспроводной, поэтому она бегала во время разговоров. У Я. – с проводом на тумбочке в коридоре. Но рядом всегда лежали листочки с ручкой (мама часто обсуждала рецепты с тётёй Олей по телефону), поэтому Я. тоже не скучала, изрисовывая за разговор чуть ли не целую тетрадь в восемнадцать листов. Каждые полчаса их прерывали. Чтобы дозвониться снова, нужно было набрать 25-1-11, сказать тётеньке в трубку номер Настиной бабушки и ждать, пока она ответит. Очень смешно было, если в этот же самый момент та тоже перезванивала, и у обеих в трубке были короткие гудки. Вот так во время разговора с подругой Я. сочинила своё первое стихотворение. Просто так чиркать на листе стало скучно, к тому же Настя отвлеклась на что-то, и получилось две строчки. Но дописывали стишок они вместе. Долго, старательно, так что трубка была потная от ладошки и ухо чесалось. Там определённо было что-то про двух подружек-хохотушек. Этот стишок Я. потом спрятала куда-то, чтобы никто не нашёл. И не нашла.

А в один из дней рождения Насти у Я. не было денег. И, искренне веря словам, что книга – лучший подарок, она подарила ей книгу. Не новую, но очень ей дорогую: первую часть «Гарри Поттера». «Гарри Поттер и философский камень». Она прочитала её раз на двадцать, читала перед сном, так что маме приходилось насильно её отбирать и выключать свет.

Я. даже уже точно знала, что, отобрав книгу и дошагав до двери в комнату, мама обернётся и с укором скажет: «нужно беречь глазки, а то потом придётся носить очки». И щёлкнет выключателем.

Очки действительно пришлось носить. Мама уверяла, что они очень идут Я.

И вот, ей – десять.

Настя позвонила и сказала, что они больше не лучшие подруги. Я. помнит слёзы. Помнит долгий разговор. Помнит, что трубка снова была мокрая, но смеяться было уже не над чем. А вот вспомнить причину разрыва никак не получалось.

Почему так произошло. Чем я тебе не угодила. Я не променяла тебя на книги – я наоборот ими с тобой делилась. Я всегда звала тебя, когда мне жутко хотелось построить шалаши из одеял или поиграть в куклы. Ты всегда играла моей лучшей барби. И мой единственный кен всегда был твоим.

А на следующий же день в школе Настя обнимала Таню и называла её лучшей подругой. Конечно же, она не видела, что Я. смотрит. Но Я. понимала, что Таня тоже ходит на танцы и у её мамы свой магазин одежды. Им вместе веселей.

Ей – двенадцать.

Начальная школа позади. Настя уехала в какой-то далёкий город уже давно. Я. посадили на первую парту второго ряда с девочкой, которая тоже плохо видит, хоть очков и не носит. С Лидой. Она раньше училась в параллельном классе, но теперь они подруги. Ещё они дружат с Катей и Леной. Хо-

дят вместе на дискотеки. Сначала ей не нравилась такая музыка. Но постепенно она поняла и её. Так было и с музыкой брата: когда он привозил ей новенькое из Томска и восторженно показывал каких-нибудь Cradle of Filth⁶ или Dimmu Borgir⁷, она поначалу ужасалась. А через неделю слушала только их (и, естественно, только те песни, которые показал брат). Девочки включали для Я. Многоточие⁸ и Бьянку⁹. Под них можно танцевать и ни о чём не думать. Сама она, конечно, тоже находила музыку. Она любила Evanescence¹⁰ и Linkin Park¹¹. Брат привёз ей диски просто так, без восторженных комментариев, среди всего прочего. И их она прослушала полностью, все треки. Сама. Кстати, благодаря им Я. была лучшей в классе по английскому языку. Начинаешь понимать, как произносить те или иные слова и звуки, если постоянно их слушаешь.

---

⁶ Cradle of Filth (с англ. – «Колыбель порока») – английская рок-группа, основанная Дэни Филтом в 1991 г. Стиль группы эволюционировал из блэк-метала к готик-металу и симфоническому блэк-металу.

⁷ Dimmu Borgir (с исл. — «Тёмная крепость») – норвежская группа, играющая в жанре симфонический блэк-метал, образованная в 1993 году.

⁸ Многоточие – российская рэп-группа из Москвы, существовавшая с 1998 года по 2007 год, является одной из самых известных рэп-групп России.

⁹ Бьянка – белорусская и российская R&B-исполнительница.

¹⁰ Evanescence (с англ. — «Исчезновение») – американская рок-группа, основанная в 1995 году вокалисткой Эми Ли и гитаристом Бенном Муди. Стиль – альтернативный рок, готик-рок.

¹¹ Linkin Park – американская альтернативная рок-группа, основанная в 1996 году.

И с Лидой никаких проблем не было. Они часто оставались друг у друга с ночёвкой. Лида научила Я. раскручивать вафельные трубочки, а не есть их просто так. У них было соревнование, кто раскрутит сильнее, аккуратно, чтобы не поломать. Я. рассказала ей всё про месячные (у Лиды их ещё не было). Да, они частенько ссорились, причин Я. снова не помнит. Но совершенно точно мириться первой всегда шла Я. Это ведь несложно. Попросить прощения, даже если не виноват или не понимаешь, за что извиняешься. Зато потом можно общаться, как раньше. Стерпеть парочку уколов типа «ты снова всё не так сделала», «ты была неправа» и забыть о произошедшем. Забывать она умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.